

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

АГЕНТ СЫСКНОЙ
ПОЛИЦИИ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48   **Агент сыскной полиции : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.**
ISBN 978-5-04-205717-5

Провинциальный сибирский город взбудоражен цепью загадочных преступлений, в том числе убийством известного немецкого путешественника. Дело на контроле у губернатора. Им занимаются охранное отделение и жандармерия. Но успех все-таки на стороне уголовной полиции — ее начальника, бывалого сыщика Федора Тартищева и совсем юного агента Алексея Полякова. Работают они слаженно, азартно, лихо, часто рискуя жизнью. Они не оставляют преступникам ни малейшего шанса избежать наказания. Потому что преступление — всегда преступление, даже если оно совершается ради благих целей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205717-5

© Мельникова И., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Особая благодарность начальнику
Главного управления уголовного розыска
России генерал-лейтенанту милиции
Вячеславу Михайловичу Трубникову
за идею этой СЕРИИ РОМАНОВ.*

*В книге использованы подлинные случаи
из жизни великих российских сыщиков
И.Д. ПУТИЛИНА и А.Ф. КОШКО.*

ПРОЛОГ

Молодой человек приподнял воротник шинели и решительно шагнул мимо швейцара в услужливо распахнутые перед ним двери. Одновременно с морозными клубами пара, охватившими его с ног до головы, голову пронзила короткая мысль: «Господи! Куда меня несет?» Но ноги уже вынесли его за порог в стылую круговерть снега и ветра навстречу едва-едва пробивающемуся сквозь метель серенькому рассвету.

Некоторое время он постоял на крыльце, по ступеням которого только что прошелся метлой гостиничный дворник. Прошелся спуская рукава, больше для отвода глаз, чтоб понятно было, что службу свою справляет примерно, даже сейчас, когда на улице буянит пурга и ветер плюется снегом прямо в лицо, а мороз тут же хватается за ухо, неосмотрительно вылезшее из-под башлыка.

Заметив застывшего в нерешительности молодого человека, дворник, обращая на себя внимание, громко откашлялся и — вероятно, тут сыграла свою роль кокарда, тускло блеснувшая из-под башлыка постояльца, —

вытянулся во фронт и произнес четко и громко, словно фельдфебель на плацу при строевом смотре:

— Чего изволите приказать, вашскобродие? — Скинув шапку, зажал ее в рукавице и, не замечая снега, тут же забившего его патлатую голову, уточнил: — По делу куды направляетесь али позавтракать собрались?

«Ну, остолоп! Всю дорогу закудыкал!» — недовольно поморщился молодой человек, но вслух ничего не сказал, лишь протянул дворнику гривенник и приказал:

— Поймай извозчика, да поприличнее!

— Сей минут, вашскобродие, — засуетился дворник и, оставив молодого человека наедине с лохматой метлой и широкой деревянной лопатой, скрылся в воротах, за которыми, несмотря на завывания пурги, шумел, просыпаясь, город Североеланск — центр огромной Североеланской губернии, растянувшейся с севера на юг на несколько тысяч верст вдоль великой сибирской реки, разделившей Сибирь, словно гигантский пирог, на две доли — Западную и Восточную.

Молодой человек спустился с крыльца, сразу оказавшись по колено в снегу, и, высоко поднимая ноги, словно бредущий по болоту журавль, двинулся к воротам. Но они распахнулись ему навстречу, и в проеме вырос дворник с развевающейся бородой и красным от мороза, а может, от чрезмерного усердия лицом.

— Из-звольте проводить, вашскородие, к дрожкам. — Он вытянул руку в громадной рукавице в сторону темного пятна, видневшегося рядом с тротуаром. — Извозчик, по правде, так себе! Но по такой погоде, сами понимаете... — Он развел руками. — Всех разобрали-с!..

То, что дворник гордо назвал «дрожками», на самом деле оказалось легкими плетеными санками с низким сиденьем для пассажира и узкой дощечкой, перекинутой спереди, для извозчика. Молодой человек хмыкнул и оглянулся на дворника. Тот моментально юркнул во двор, справедливо полагая, что «вашскородие» вряд ли решится гоняться за ним по глубокому снегу, чтобы выяснить,

почему дрожки вдруг превратились в пошевни, а вместо рослого лихача-извозчика повезет его в присутственное место самый что ни на есть захудалый «ванька» в рваном тулупе, порыжелой овчинной шапке и кнутом за опояской из обрывка старых вожжей.

Честно сказать, у молодого человека основательно чесались кулаки, но он уже прилично запаздывал, погода и без того была мерзопакостной, да и дворник наверняка успел ретироваться в дворницкую, поэтому он молча уселся в санки, тщетно пытаясь укрыться от снежных зарядов, попавших за воротник шинели. Он уже пожалел, что не надел подаренную матушкой бобровую шубу, но как бы он выглядел в глазах местных служаков в первый же день своего появления в управлении? Небось тут же сочли бы за выскочку или, того хуже, подумали, что он не тот, за кого себя выдает на самом деле...

Молодой человек, которого еще совсем недавно нянька называла «золотцем» и баловала тайком от матери копеечными ржаными пряниками на меду, сердито сдвинул густые темные брови, шмыгнул коротковатым крепким носом и приказал:

— На Тобольскую, двадцать! Живо!

Извозчик хмыкнул, взгромоздился на свое сиденье и пробурчал:

— Шибко шустрый барин! Али дорог наших не знашь?

Несмотря на свой достаточно юный возраст, пассажир прекрасно знал о пагубной страсти российских извозчиков клясть на чем свет стоит отечественные дороги в надежде выторговать лишний пятак, и потому на вопрос ответил вопросом:

— Сколько за скорость?

— Двугривенный, — лихо ответил возница и, свистнув, огрел мохнатую, всю в белом куржаке лошаденку кнутом.

Санки дернулись с места, а пассажир подумал, что в Питере по такой погоде с него непременно слупили бы рубль, а то и полтора, и решил, что слухи о баснословной

сибирской дешевизне не лишены основания, что не- сколько подняло его настроение.

Деревянные полозья легко скользили по снегу. Санки подпрыгивали на ледяных буграх, а то вдруг шли юзом по косогору, и тогда извозчик спрыгивал со своего сиденья и бежал рядом, словно пытался удержать хилую свою лошаденку от падения, а сани от удара о массивные деревянные тумбы-вертушки, пестревшие афишами местного театра и объявлениями, сообщавшими об открытом зимнем чемпионате сибирских губерний по французской борьбе. Краем глаза молодой человек отметил пару знакомых фамилий, из тех борцов, которые начинали еще как атлеты-гиревики и мастера русской борьбы на поясах. Теперь судьба забросила их в далекую Сибирь, чтобы попытаться счастья на ее цирковых аренах и вернуть былую славу и чемпионские ленты.

Санки в очередной раз занесло на повороте. И молодой человек, чтобы не вылететь на обочину, крепко схватился за спинку саней, успев подумать, что дворник был недалек от истины, обозвав его «экипаж» дрожками. Несколько раз у него неприкрыто дрожали колени, когда сани заваливались вдруг набок на особенно горбатой улице или мчались сквозь чрезмерно узкий и кривой переулок.

Наконец они выехали на широкую и достаточно прямую, мощенную булыжником улицу. Дворники успели расчистить проезжую часть, но на тротуарах еще лежали сугробы, которые форсировали немногочисленные прохожие, в основном кухарки с корзинами и молочными бидонами в руках, да несколько гимназистов в серых шинелях, по самые глаза закутанные в башлыки.

Однако по мостовой уже всюю сновали ломовики на телегах с длинным плоским настилом для грузов, крытые пролетки с чиновниками, досыпавшими последние сны по дороге на службу, дровни, полные березовых и сосновых чурок...

Ржание лошадей и ругань извозчиков, стук копыт по

обледеневшим булыжникам и лязг обитых железом полозьев — все это сливалось в один общий, какой-то бестолковый гул, перекрывавший завывания ветра, который, точно испугавшись этой сумятицы, внезапно стих, а вместе с ним прекратил валить снег. И тотчас перед взором молодого человека открылся ряд каменных и деревянных двух-, трехэтажных домов, бойко взбегающих по пологой горе вплоть до каменной гряды, плотно заросшей темным лесом.

Справа внизу виднелась напоминавшая торную дорогу, широкая, не занятая строениями и лесом полоса снега, и молодой человек понял, что это и есть река, которую ему не довелось вчера увидеть по причине позднего прибытия дорожной кареты.

Внезапно новые звуки вторглись в многоголосый шум и гам, усилившийся с приближением к базарной площади, которую возница санок предусмотрительно обогнул за квартал, пояснив:

— У меня тут давеча два барина сбегли. Упитанные вроде, солидные, а как только с базаром поравнялись, с санок спрыгнули да в толпу шмыг и сгнули, только я их и видал. — Он деловито высморкался и добавил с обидой: — Ширмачи¹, не иначе, ежели не хуже. Рожи-то наели поперек себя шире. Ногами ходить тяжко. Вот и накатали по городу на рупь с полтиной, а рассчитывать-ся, не-ет, не желают-с. А я их еще навеличивал: «Ваше степенство да ваше степенство...», а оно вишь как вышло. Форменное «ваше свинство»! — Обернувшись к пассажиру, настороженно посмотрел на него. — А вы не сбежите?

— Зачем? — удивился молодой человек. — Я, считай, первый день в Североеланске.

— Ну, то-то! — удовлетворенно произнес возчик и вдруг, привстав на сиденье, принялся нахлестывать ло-

---

¹ Воры-карманники.

шаденку кнутом, заставляя ее прижаться к тротуару. Тотчас суматоха овладела всей улицей. Насколько хватало глаз, извозчики, кучера, ломовики спешно освобождали проезжую часть, торопливо жались к обочинам.

Молодой человек высвободил ухо из-под башлыка. Нет, слух не подвел его. Едва различимый звук перерос в звон колокольчиков, а извозчик неожиданно и торопливо перекрестился и почему-то испуганно выкрикнул:

— Ягря царские едут! Гляди, барин, вон оне! — и он кивнул головой на вырвавшиеся откуда-то сбоку из-за низких купеческих лабазов две отличные, похожие друг на друга как две капли воды гнедые фельдъегерские тройки, запряженные в одинаково короткие повозки. На той и другой разудало посвистывали в заливчатски заломленных шапках ямщики и, раскручивая над головой кнуты, поносили во всю силу своих молодецких легких замешкавшихся или зазевавшихся прохожих. В каждой тележке сидели по два пассажира: слева жандарм в серо-голубой шинели, справа — молодой человек в гражданском платье.

Промчались дико сверкающие глазами, пена на удилах, стремительные тройки, и жизнь на улице потекла по-прежнему.

— На Иркутск пошли, — пояснил извозчик своему молчаливому пассажиру. — Видно, важных каких повезли. Торопятся... — Извозчик опять перекрестился, заметив его отсутствующий взгляд.

А молодой человек всего лишь представил себя в этот момент на месте одного из осужденных. Разве не был он на шаг от подобной участи? И если бы не заступничество дядюшки, везли бы его сейчас курьерской скоростью на Нерчинские рудники как миленького, как этих неожиданно повстречавшихся на пути бедолаг — несчастных его сверстников...

Да, именно заступничество дядюшки — Владимира Гавриловича Сверчкова — начальника I отделения при Санкт-Петербургском управлении полиции, его личное

прошение на имя Вячеслава Константиновича Плеве, директора департамента полиции, избавило его юного племянника от нешуточных неприятностей, которые он накликал на свою голову в силу молодой дурости и нежелания прислушиваться к совету старших и потому более мудрых и осторожных родственников.

Послужной список молодого человека, сиявший чистотой и белизной непотревоженного снега, чуть было не испортила весьма нелестная запись, которая подобно крепостной стене навсегда бы преградила ему путь к продвижению по службе. Но это были еще цветочки по сравнению с перспективой понести заслуженное наказание за избиение должностного лица при исполнении им государственной службы...

Но тем не менее он ни разу не посетовал, не укорил себя, что, уступив благородному порыву души, ввязался не в свое дело, чуть не погубив свое будущее. Хотя как сказать, как сказать! Молодой человек задумчиво хмыкнул и окинул взглядом серую вереницу зданий. Нет, все-таки Североеланск хотя и мерзкая дыра и самое подходящее место для ссылки, но приехал он сюда без жандармского эскорта и почти без принуждения. И нужно признать, что губернский, пусть и сибирский город — еще не самое худшее место, где ему придется отсидеться некоторое время, чтобы из памяти начальства выветрились обстоятельства порочащего его проступка. Правда, даже его хитромудрый дядюшка не знал, сколь долго придется провинувшемуся племяннику в добровольном изгнании. Год, два, а может, и все пять. Пути господни неисповедимы, так же как и анналы начальственной памяти. А ведь так хорошо все начиналось!..

Только что отгремела музыка на выпускном балу Горного института. На новеньких погонах засверкала первая звездочка. Молодой человек закончил курс с отличием, дядюшка подобрал ему приличное место в столице в одном из департаментов Министерства внут-

ренных дел. Будущее высвечивалось радужными красками, но... И зачем он ввязался в это нелепое пари?..

Кутили у знакомой актрисы. Кому-то из приятелей не хватило дамы. И вновь испеченный подпоручик, подогретый вином и восторгом скорого приобщения к тому тревожному и возвышенному, что внушало ему одно лишь звучание слов «государева служба», неожиданно для себя заявил, что сей момент отправится к мадам Дежаль, содержащей пансионат для учениц балетной школы, и пригласит одну из воспитанниц на ужин. Зная не понаслышке о свирепом нраве хозяйки пансионата, ему не поверили. Он уперся, заспорил, тогда его решили поймать на слове и заключили пари.

Уже стоя на тротуаре и кутаясь в плащ под проливным дождем, он понял, что вся его затея изначально была обречена на провал. Но отступать было поздно, к тому же он не привык ударять в грязь лицом и, уповая лишь на счастливый случай, двинулся вперед с отвагой и беспечностью истинного искателя приключений.

По-видимому, случай также искал его, и наконец они встретились!

Не прошел он и двух кварталов, как из темной арки проходного двора навстречу ему выбежала девушка. Стараясь обойти его, она неожиданно споткнулась и почти упала в его объятия, но тут же как-то по-особому легко вывернулась и быстрым шагом пошла в обратную сторону. Впереди на углу горел фонарь, и в тусклом его свете растерявшийся подпоручик наблюдал, как ее высокая тонкая фигурка исчезает за пеленой усилившегося дождя. Однако, пробежав несколько шагов, девушка вдруг остановилась, взгляделась в застывшего на месте молодого человека и, когда он поспешно приблизился к ней, схватила его за руку.

— Господин офицер! — Она была сильно взволнована, а вернее, перепугана до смерти. — Умоляю вас, помогите! Пожалуйста, проводите меня, я живу неподалеку... Идемте же скорее, я вам все объясню...

Она старательно прятала нижнюю часть лица за шелковым шарфом, но он успел-таки рассмотреть, что незнакомка весьма недурна собой. Особенно хороши были глаза. В окружавшем их полумраке он не смог понять, какого они цвета, но они были так глубоки и прекрасны и смотрели на него с такой мольбой и надеждой... Нет, она совсем не походила на ночную камелию. Но это был тот самый случай, которого он искал.

— Я к вашим услугам, мадемуазель! — Он учтиво склонил голову и взял ее под локоть.

— Скорее, скорее идемте! — заторопила она его и потянула за собой.

— Да, да, немедленно, — согласился поручик и добавил: — Только нам не в эту сторону.

— Ну как же не в эту? Я живу сразу за каналом, — возразила она, еще ничего не понимая.

— Но вы, право, не то говорите, — попытался убедить ее подпоручик, удерживая незнакомку за рукав. — Сейчас вы пойдете со мной. Нас ждут мои друзья. Весьма приятное и славное общество.

— Пустите! — Она попыталась вырваться.

Но он держал крепко.

— Как вам не стыдно! — Подпоручику показалось, что она вот-вот зарыдает от отчаяния. Но не зарыдала. Лишь гневно задрожали крылья маленького изящного носа. — Я доверилась вам, попросила помощи, а вы... — Она внезапно вздрогнула и, прижавшись к нему, замолчала, стараясь спрятать лицо за отворотом его плаща.

Сзади грузно затопали чьи-то сапоги. Подпоручик оглянулся через плечо. Рослый жандарм без плаща, в промокшем насквозь мундире бежал к ним, не разбирая дороги, разбрызгивая грязь и лужи.

Придерживая одной рукой болтавшуюся слева шашку, другой он схватил девушку за плечо и грубо выдернул ее из объятий подпоручика.

— Спасибо, ваше благородие, — проговорил он, задыхаясь, — чуть не упустил паскуду!

И тогда подпоручик понял, что совершил подлейший поступок.

— Ты пьян, скотина! — крикнул он и толкнул жандарма в грудь.

— Господин офицер! — Жандарм даже не покачнулся, лишь с недоумением посмотрел на ошалевшего подпоручика и ухватил девушку уже за обе руки. Потом, тяжело дыша, нагнулся к его уху и прошептал: — По политическому делу! Понимаете?

В подогретой винными парами голове подпоручика лихорадочно метнулись мысли: схватить жандарма и удерживать его, пока она не скроется?.. попытаться его обмануть, назвавшись агентом охранки?.. или оглушить чем-нибудь по голове?.. Он даже оглянулся по сторонам в поисках чего-нибудь тяжелого, но, как назло, а вернее, к счастью, никаких пригодных для подобной цели орудий по такой темноте и погоде поблизости не обнаружил.

И опять решение ему подсказал его верный соучастник случай.

Из-за угла выкатилась пролетка, порожняя, без сидока.

Подпоручик рванул девушку из рук жандарма и, увлекая за собой, кинулся наперерез экипажу, схватил лошадь под уздцы.

— Садись! — прокричал он истошно.

И, вскочив вслед за ней в пролетку, заорал что было сил кучеру:

— Гони!

— Стой! — опомнился жандарм, бросился следом и на повороте изловчился, заскочил на подножку экипажа.

— Гони! — опять закричал подпоручик и в пылу азарта ткнул жандарма кулаком в зубы.

— Стой! Не уйдешь! — прорычал тот и, ухватив подпоручика за грудки, резко дернул на себя. В следующее мгновение его ноги сорвались с подножки, и уже в обнимку с задержанным жандарм вывалился на булыжную мостовую. Подпоручику повезло. Совершив почти пол-

ный кувырок в воздухе, он приземлился на обмякшее жандармское тело, отделавшись синяком под глазом, куда противник заехал ему локтем во время падения.

Жандарм оказался живучим. И хотя пострадал сильнее, в себя пришел мгновенно. Из рассеченной губы текла кровь. На лбу красовалась приличная ссадина, но он продолжал удерживать подпоручика, да так, что тот вдруг понял, что игры в казаки-разбойники закончились и пришла пора рассчитывать за свои поступки.

Он попытался ухватить жандарма за пояс и перекинуть через себя, применив один из приемов французской борьбы. На мгновение ему удалось ослабить захват его лапищ, но тут же схлопотал по уху. Жандарм был настроен решительно.

— Ах ты, скотина! На офицера руку поднимать! — заорал подпоручик негодуяще, заметив краем глаза, что пролетка с девушкой скрылась за углом по направлению к набережной. Он знал, что до развода Николаевского моста оставались считанные минуты, и, если она сообразит, куда ей следует ехать, она спасена. И тут же понес полную околесицу, прикинувшись мертвецки пьяным, но жандарм продолжал его удерживать и приказал подошедшему на помощь дворнику спешно отыскать извозчика.

— Ничего, господин офицер, ответите уже за то, что убивицу не дали споймать, — проговорил он угрожающе, загружая подпоручика в пролетку, и велел извозчику отвезти их в ближайшую часть.

Там-то все и выяснилось. Девица и впрямь оказалась не ночной камелией. Тем паче не маменькиной дочкой, неосторожно задержавшейся у подруги.

За несколько минут до встречи с подпоручиком она на выходе из Английского клуба ударила ножом в грудь шефа столичных жандармов и, воспользовавшись непогодой и суматохой, благополучно скрылась.

В отделении по охране порядка и общественного спокойствия, куда доставили вскорости подпоручика, ему почти вежливо объяснили, что он помог спастись

государственной преступнице, члену Исполнительного комитета «Народной воли» Александре Завадской, уже полгода находящейся в розыске по делу о покушении на жизнь великого князя. По ее сигналу бомбометальщики привели в исполнение жестокий приговор, который они вынесли старику лишь за то, что он был дядей императора. Бомбой князю оторвало ноги, и он скончался в мучениях посреди мостовой в луже собственной крови на глазах у потрясенных горожан. Но об этом подпоручик узнал позднее от разъяренного дяди. Тогда же он увидел фотографию Завадской и изумился необыкновенной одухотворенности ее невыразимо прекрасного лица.

— Фанатичка! — пробурчал дядька и изорвал фотографию в клочья, когда племянник попытался уверить его в том, что столь красивая женщина просто по природе своей не способна на подобные жестокости. — Чудовище! — добавил он еще более сердито и вышел из кабинета, хлопнув дверью так, что закачался и чуть не брякнулся на пол портрет государя императора, висевший над столом начальника I отделения.

Эти события чуть не легли черным пятном на «формулярный список о службе и достоинстве подпоручика Алексея Полякова».

В графе 7-й, вопрошавшей: «В штрафах по суду или без суда, также под следствием был ли, когда, за что именно и чем дело кончено?», только благодаря дядькиному вмешательству не появилась запись:

«Приказом по Департаменту Горных разработок и разысканий Российского Министерства внутренних дел от десятого июля 188... года за № 18 объявлено, что подпоручик Поляков по произведенному над ним Военному суду и собственному сознанию оказался виновным в проступках, учиненных в нетрезвом виде, а также в нанесении побоев жандармскому унтер-офицеру...»

В конце концов дело уладилось. Обошлось малой кровью. С подпоручика взыскали денежный штраф на удовлетворение обиженных им лиц и на покрытие раз-

ездных расходов судебных чиновников. Но тем не менее поволноваться и помучиться из-за неопределенности своего дальнейшего существования ему довелось основательно. И хотя из показаний пострадавшего жандарма напрочь исчезло упоминание об истинной причине ночной схватки, Алексей Поляков вынужден был на какое-то время расстаться с мыслями о блестящей столичной карьере и отправиться туда, куда осмотнительный Макар даже телят не гонял, побаивался... И это с его-то образованием, с его амбициями и запросами, с его грандиозными планами на будущее!

...Санки в очередной раз подпрыгнули на ледяном бугре и притормозили у высокого крыльца трехэтажного, выкрашенного в желтый цвет здания. Вывеска, висевшая слева от входной двери, в которой то и дело исчезали согнувшиеся под ударами вновь разыгравшегося ветра разновозрастные чиновники, возвещала, что его многотрудное и многодневное путешествие закончилось. Но он не испытал по этому случаю особой радости. На вывеске значилось просто: «Североеланское городское управление полиции» и чуть ниже: «Канцелярия». Здесь ему и предстояло служить в должности младшего помощника делопроизводителя благодаря не только роковой встрече на ночной улице, но, более всего, самодурству своего родного дяди, который решил, что служба в полиции будет весьма существенным наказанием для племянника и хорошим тормозом в случае принятия им очередного опрометчивого решения.

Алексей Поляков вздохнул и ступил на обледенелую ступеньку...

ГЛАВА 1

Федор Михайлович Тартищев возвращался домой по обычаю поздно. Солнце спустилось уже за острый клюв горы Кандат и окружило ее вершину светящимся орео-

лом. Пройдет несколько минут, и окрестная тайга погрузится в темноту, но высокое летнее небо долго еще останется светлым, и река в этом голубоватом полумраке будет похожа на расплавленное серебро, а теплый ветер непременно разгонит прилипчивую мошку — истинный бич горожан до той поры, пока жадная стрекоза не поднимется на крыло.

В полнолуние фонарей в городе не зажигали даже в ненастье, но сейчас стояла ясная погода, и Федор Михайлович вполне спокойно перешел через горбатый мостик, перекинутый через овраг, разделявший улицу Хлебную, на которой он прожил, почитай, четверть века, на две неравные части. Одна из них, большая, с особняками богатых купцов — торговцев лесом, солью и мехами, с булыжной мостовой и множеством лавочек и магазинов, осталась за спиной Тартищева, а перед ним лежала почти деревенская улица с маленькими, утопающими в зарослях черемухи и сирени домишками мелких чиновников и отставных военных.

Несмотря на тот достаточно высокий пост, который Тартищев занимал последние десять лет, он так и не съехал с этой улочки, находя здесь истинное отдохновение для души, истерзанной изнурительной и вовсе неблагоприятной работой.

Сапоги мягко ступали по роскошной дорожной пыли. Из зарослей донника и полыни доносилось мерное стрекотание цикад, и, вздохнув умиротворенно, Тартищев погладил свою небольшую аккуратную бороду, представив на мгновение, как будет вскоре пить чай в беседке под цветущей сиренью, смотреть на огромную луну, встающую над дальними горами, а Дозор будет ластиться к ногам и проситься погулять на воле...

И нужно еще непременно поговорить с Лизой... Тартищев вытащил из кармана брегет, врученный ему генерал-губернатором, как отмечено было его превосходительством: «За особое усердие», и посмотрел на циферблат. Удрученно хмыкнул. Часы показывали одиннадцатый час,

и Лиза наверняка уже в постели... Он опять хмыкнул, теперь достаточно сердито. Вот уже неделю служебные заботы не позволяют ему серьезно поговорить с Лизой. А ведь дело не терпит отлагательства. Дочь с ее буйной фантазией и непредсказуемыми поступками не раз ставила его в щекотливое положение. До некоторого времени ему удавалось успокаивать себя, что озорство вполне объяснимо и допустимо в ее возрасте. Пусть потешит душу, пока не замужем. Пусть повеселится, подурачится, наконец, но два месяца назад дочери исполнилось семнадцать. Пора уже браться за ум. Но она, как и прежде, не следит за своим языком, гоняет на лошади по островам и на все намеки отца о том, что пора бы уже и остепениться, иначе всех женихов распугает, Лиза отшучивается, посмеивается над отцовскими страхами, а то и откровенно дерзит, когда он начинает проявлять, как ей кажется, излишнюю настойчивость...

Сапоги Федора Михайловича ступили на мягкий спорыш обочины. Он усмехнулся. Великое дело привычка. Сегодня он, чтобы продлить удовольствие от ночной прогулки, решил сделать крюк и обогнуть старинное купеческое кладбище, задами выходящее на Хлебную, но ноги сами собой вынесли его к высоким чугунным воротам, запертым на огромный, похожий на свернувшуюся клубком собаку замок.

Но Тартищев знал об этом и прошел чуть правее ворот. Издавна здесь была устроена лазейка для обитателей Хлебной улицы, не желавших ходить в обход кладбища. Правда, только в дневное время. Ночью здесь можно встретить лишь порскающих в разные стороны бродячих кошек да спугнуть ночную птицу, которая, сердито ухнув, поднимется на крыло и скроется в темных недрах колокольни полуразрушенной церквушки, в которой отпевали когда-то нынешних обитателей кладбища.

С трудом протиснувшись сквозь лазейку, Тартищев привычно удивился недюжинной силе того, кто умудрился выломать целых три чугунные пики из ограда, и

столь же привычно посетовал, что избыток сидячей работы существенно повлиял на габариты его и так нехрупкой фигуры.

Мрачные надгробия купеческих могил с застывшими в скорбных позах херувимами, массивные кресты и купола семейных склепов четко выделялись на фоне еще более посветлевшего неба. Тартищев уже знал: стоит ему миновать могилу известного в городе владельца аптек Дедюлина-старшего, как тут же из-за склепа семьи Курашкиных вынырнет луна и высветит даже самые плохо различимые, самые пострадавшие от времени и непогоды надписи на могильных памятниках...

Курашкина?! Тартищев остановился как вкопанный. События последних дней ни в коей мере не желали оставлять его в покое. Вот уже неделю город будоражили слухи и домыслы один ужаснее другого по поводу убийства нескольких вдов когда-то первых богатеев Североеланска. Последняя из убитых старух принадлежала к семье Курашкиных. Кажется, была старшей сестрой известного в Сибири спиртозаводчика...

Михаил Федорович присвистнул и почесал за ухом. Непременно надо будет встретиться с Пантелеймоном Васильевичем. Может, и прольет какой-никакой свет на убийство своей сестрицы. Ведь были же основания у неизвестного убийцы укокошить подряд пятерых богатых и одиноких старух и ничего не взять при этом. Похоже, он только затем и забирался в дом, чтобы придушить свою жертву, а затем скрыться по крышам домов, потому что на земле никаких следов обнаружить не удавалось. Почему преступнику надо было уходить по крышам, никто, даже сам Тартищев, толком объяснить не мог. Убийства совершались между тремя и четырьмя часами ночи, когда ни одной живой души на улице не сыщешь, а окна обывательских домишек надежно защищены ставнями...

По правде, поначалу все сводилось к тому, что убийца удалялся с места преступления чуть ли не на крыльях,